

«Кусок русского черного хлеба...»

Виктор БАКЛАНОВ

Предки А. С. Пушкина и его семья вели свои трапезные записи и большое внимание уделяли ритуалу приготовления и приема пищи. Поварами у них были дворовые, обученные важному «едоцкому» делу. И для «повышения своей квалификации» они прибегали к специальным изданиям. Так, в петровском поместье Ганнибалов в моде была книга знаменитого в то время кулинарного советчика Василия Левшина с толкованиями, «как готовить кушанья и хранить продукты».

Как же складывались «едоцкие дела» в жизни Александра Сергеевича? В разные ее периоды — по-разному. В лицейские годы его стол был вынужденно спартански прост: ежедневные супы, каши да компоты, оставшие после себя такие строки:

*Блажен муж, иже
Сидит к каше ближе...*

Постоянным было, пожалуй, одно: поэт, по многочисленным свидетельствам современников и самопризнанию, всегда любил поесть. Это было, как и в поэзии, никогда не сидел на диете. Об этом — девизная строка в «Евгении Онегине»: «Желудок — верный наш брегет», т.е. часы, компас.

Притом в еде Александр Сергеевич никогда не слыл «привередю», «охотно ел все простое», но в то же время не давал спуска и блюдам «изысканным». Его любимыми кушаньями были: печеный картофель, домашний суп, каша, варенец, клюква с сахаром, морощка, моченые яблоки, брусника, варенье, особенно «крыжовенное», которое, по свидетельству О. Смирновой, «часто стояло у него на столе».

В письмах к Наталье Николаевне из Михайловского среди прочих бытовых новостей он сообщает: «Вечером ежду в Тригорское, роюсь в старых книгах да орехи грызу... Скажи Сашке (сыну), что у меня здесь белые сливы, не чета тем, которые он у тебя крадет, и что я прошу его их со мною откусать». В другом письме — другие бытовые подробности: «Я

Век. Москва. — 1999
В книге В. Вересаева «Пушкин в жизни» есть и такие прекрасные строки: «Вся правда о Пушкине только очищает, возвеличивает его облик. Подлинно великий человек с честью выдержит самые «интимные» сообщения о себе». Это тем более прилагаемо к теме нашего разговора — что едал Александр Сергеевич?

Павел БУНИН

много хожу, много ежду верхом, на клячах... Ем печеный картофель... и яйца всмятку, как Людовик XVIII. Вот мой обед».

Во времена Арины Родионовны стол поэта был хотя и прост, но довольно разнообразен. В пушкинском хозяйстве было много кур, уток, гусей, индюшек, овец, телят, коров. А в окружающих Михайловское реках, озерах, прудах в изобилии водились щуки, окуни, язи, сомы, караси и, конечно же, раки. А если добавить к этому зреющие в дедовском саду антоновку, боровинку, грушовку, сливы, очаковские вишни, малину, смородину, крыжовник да приплюсовать сюда дары окружающих лесов — грибы «всяких званий и роста», ягоды, то получится совсем недурственно.

К тому же если чего-то из местных припасов не хватало, то их можно было пополнить со стороны: «Брат, обнимаю тебя и падаю до ног... — обращается Александр Сергеевич ко Льву

Пушкину, — душа моя горчицы просит... и сыру лимбургского». И подписывается шутя: «Поцелуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина».

Но это все простые михайловскиеготовки. А с барской кухней Александр Сергеевич знакомился в домах своих многочисленных друзей, среди которых первенствовали Осиповы — Вульф. Здесь свято чтит старинные трапезные традиции. Но более всего Пушкину нравились здешние яблочные пироги. В своих письмах к Осиповым он даже взял их себе в псевдоним, подписываясь: «Ваш яблочный пирог». В Павловском поэт вместе с А. Н. Вульфом угощался «картофельным клюквенным киселем», а по утрам «прямо в спальне пил кофе».

О том, чем потчевали чету Пушкиных, рассказывается в приглашении В. Жуковского: «Прошу тебя, — адресуется он к Александру Сергеевичу,

1 апр. — с.б

— с твоею грациозною, стройноскоздною, богинеобразною, мадонною супругою пожаловать ко мне завтра (во вторник) в 8-мь часов откусать чаю с бриошами и прочими вкусными причудами».

Со временем великосветские обеды узнавались в поэтических строках, таких, например, как в «Евгении Онегине»:

*Пред ним roast-beef окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.
Еще бокалов жажда просит
Залить горячий жир котлет...*

Во время одного из «выездных» обедов с поэтом приключился такой казус. О нем не без юмора Александр Сергеевич рассказывает в письме к А. Дельвигу:

«На днях было сборище у одного соседа; я должен был туда приехать. Дети его родственники, балованные ребятишки, хотели непременно туда же ехать. Мать принесла им изюму и черносливу. Но Петр Маркович их взбудоражил... не ешьте черносливу; поезжайте с нею. Там будет Пушкин — он весь сахарный, а зад его яблочный: его разрежут, и всем вам будет по кусочку — дети разревелись; не хотим черносливу, хотим Пушкина... Нечего делать — их повезли, и они сбежались ко мне облизываясь, — но, увидев, что я не сахарный, а кожаный, совсем опешили».

Конечно же, нельзя не сказать о том, что особый раздел пушкинской трапезы составляла дорожная кухня. Как и сама дорога, оставшаяся в творчестве поэта неизгладимый след. Чем и как питался Александр Сергеевич в пути?

«... По дороге от Торжка до Петербурга, — рассказывает А. Вульф, — купили в Валдае баранков (крендели небольшие) у... красавицы, торгующих ими, и в Вышнем Волочке завтракали мы свежими сельдями, а на станции Желбицах ухую из прекраснейшей форели...». И эта трапеза тоже запечатлена в известном стихотворении Пушкина.

Но это совсем не значит, что каж-

дый крендель или каждая селедка, съеденная поэтом, рождала элегию или поэмы. Как и любому простому смертному, а именно таковым и считал себя поэт, ему, обладающему отменным аппетитом, необходимо было просто «заморить червячка». «На иные вещи, — замечает П. Вяземский, — был он ужасный прожора. Помню, как в дороге съел он почти одним духом двадцать персиков, купленных в Торжке».

Остановившись у Троянова вала, вспоминает И. Липранди южный период жизни поэта, «мы выпили по большой рюмке водки и напали на соленья. Пушкин был большой охотник до балыка. Обед наш состоял только из двух блюд: супа да жаркого». А в Кишиневе поэт едал «молдавскую мамалыгу», «плагинду», «каймак», «брынзу» — овечий сыр. А на полуденном берегу в «Юрзуфе», как пишет сам Пушкин, он «жил сиднем. Купался в море и объедался виноградом».

Приходилось поэту трапезничать и в калмыцкой кибитке. Как это было? Об этом записи Александра Сергеевича, сделанные во время его путешествия на Кавказ: «Молодая калмычка подала мне свою трубку и стала завтракать. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Она предложила мне свой коврик. Я не хотел отказаться и хлебнул, стараясь не переводить духа... Я попросил чем-нибудь это заесть. Мне дали кусочек сушеной кобылятины».

Довольно часто бывало и так, когда длинная, утомительная и опасная дорога в Эрзерум подолгу держала Пушкина впроголодь:

«В армянской деревне, — отмечает он в путевых заметках, — съел я... урек, армянский хлеб, испеченный в виде лепешки пополам с золою... Дорого я отдал за кусок русского черного хлеба...»

Пожалуй, и в этих словах — простота, характер и величие Пушкина.

По материалам полного собрания сочинений А. С. Пушкина, изданного «Воскресеньем»

1. 4. 99

Пушкин А.С.